

Едва эта новость разлетелась по городу, как первыми засуетились другие лавки и стоявшие за ними хозяева. Однако управляющие заведений Ань Чанцина получили чёткие указания и держались уверенно. Ещё до того, как кто-либо успел прийти с претензиями или скандалами, они заранее пустили слух: Бэйчжань-ван ликвидирует последствия бедствия по высочайшему повелению — кто посмеет чинить ему препятствия? В итоге недовольным соперникам по торговле пришлось умерить пыл и беспомощно наблюдать, как толпы горожан устремляются к лавкам поместья князя.

Нашлись и те, кто надеялся посмотреть на чужой провал: в конце концов, Ецзин огромен, и народу в нём тьма. Если все хлынут в лавки Бэйчжань-вана, надолго ли хватит запасов? Через несколько дней зерно неизбежно закончится, и тогда они снова смогут продавать его втридорога.

Однако вскоре новые вести разрушили их замыслы.

У дверей каждой зерновой лавки поместья Бэйчжань-вана вывесили объявление. В нём прямо говорилось: дабы как можно больше жителей смогли пережить лютую зиму, отпуск зерна ограничат по дворам — одна семья каждые десять дней сможет купить не более десяти доу риса. Каждому покупателю необходимо зарегистрировать свои документы. Мера эта значительно снизила нагрузку на поставки продовольствия.

Пока конкуренты кусали локти от досады, Ань Чанцин открыл новую угольную лавку.

Раньше у поместья князя не было угольных лавок. Да и сам Ецзин углём не изобиловал: каждую зиму его привозили из находящейся севернее провинции Цичжоу. Привозимого количества как раз хватало на одну зиму, а при нехватке заказывали дополнительные поставки. Но в этом году внезапно обрушились снегопады, нарушив как водное, так и сухопутное сообщение. К тому же Цичжоу сама пострадала от снежного бедствия, цены на уголь там взлетели, и о поставках в Ецзин никто уже не думал.

В Ецзине проживало множество влиятельных семейств и богатых купцов, привыкших к роскоши. В лютые морозы изнеженные вельможи не могли терпеть холод, поэтому управляющие по закупкам из всех домов в спешке пытались разузнать, где достать уголь.

Стоило новой лавке открыться, как туда сразу же устремились самые осведомлённые.

Однако, узнав цену, покупатели пришли в изумление:

— Почему так дорого? В обычное время самый дорогой уголь стоит от силы десять лянов серебра!

Из-за нехватки людей обязанности управляющего временно исполнял Чжоу Хэлань. Стройный юноша в синем хлопчатобумажном халате спрятал руки в рукава и улыбнулся совсем как лис:

— Время нынче другое. Не хотите брать — уступите место, сзади люди ждут.

Первый покупатель с досадой отступил в сторону. Он думал, что и следующий посчитает цену чрезмерной, но тот даже не стал торговаться, а сразу спросил:

— Уголь «серебряная нить» есть?

Чжоу Хэлань ответил:

— Всё есть. Сколько вам нужно?

— Двести цзиней обычного угля и сто цзиней «серебряной нити». Доставьте в поместье графа Сяовэнь.

Опасаясь, что ему не достанется, мужчина тут же вытащил серебряные банкноты и расплатился сполна, до последней монеты.

Увидев это, остальные покупатели тоже ринулись вперед — платить и записываться, а работники лавки развозили уголь по усадьбам.

За один день распродали больше половины запасов: обычный уголь уходил по тридцать лянов за цзинь, а отборная «серебряная нить» — по сто лянов. К вечеру, подбив итоги, Ань Чанцин подсчитал: только на угле за один день они выручили пятьсот тридцать тысяч лянов серебра.

Автор хочет сказать:

Но-но: Мы разбогатели! В будущем я буду зарабатывать деньги и содержать тебя.

Сонсон: ...Угу.

В эту зиму цены на уголь в Ецзине взлетели так высоко, что обычные горожане только диву давались. Однако Ецзин кишел богачами, и те, кто в обычное время не выставлял своё состояние напоказ, теперь приоткрыли лишь малую его часть.

«У богатых ворота ломятся от мясного жира и вина, а на дорогах замерзают насмерть бездомные» — эти слова как нельзя лучше описывали нынешний Ецзин.

Пока простые жители изо всех сил пытались выжить в лютый мороз, знатные семьи соревновались за уголь по сотне лянов за цзинь. Из-за нехватки угля среди богачей, успевших запастись им вдоволь, даже вошло в моду устраивать «банкеты алого огня», приглашая друзей и родственников полюбоваться снегом и цветущей сливой.

Суть «банкета алого огня» заключалась в следующем: сад усадьбы огораживали плотными тканями для защиты от ледяного ветра и расставляли внутри множественные жаровни. Снег в саду не таял, слива мейхуа пышно цвела, а гости сидели у теплых жаровен, грели вино и любовались снегом — тем самым демонстрируя своё богатство.

Глядя на цифры в счётной книге, Ань Чанцин вздохнул:

— Где-то густо, а где-то пусто.

С момента открытия новой лавки прошло чуть больше десяти дней, а все заготовленные пятнадцать тысяч цзиней угля уже полностью распродали. Между тем у бесплатных кухонь за городом народу становилось всё больше. Туда приходили не только бедняки, но и неимущие ученые, прибывшие в столицу для сдачи экзаменов: не вынеся холода и голода, они собирались кучками и стояли в очереди за кашей.

Чжоу Хэлань повидал нечто подобное не раз, поэтому сохранял спокойствие:

— Так повелось с древнейших времён. У богатых кусы валяются, а у бедных и зерна в сусеках нет.

Ань Чанцин тихо вздохнул:

— Как бы хотелось, чтобы весна пришла поскорее.

Он сделал всё, что мог: открывал бесплатные кухни, раздавал тёплую одежду, пытаясь подарить этим людям хоть какой-то шанс на выживание. Но сил одного человека недостаточно. Несмотря на все усилия, многие не выдерживали и бесшумно замерзали насмерть в холодные ночи. И ведь положение в Ецзине считалось относительно благополучным. По слухам, севернее — в Сучжоу, Бинчжоу, Лянчжоу, Яньчжоу и Чэньчжоу — мороз ударил ещё сильнее, и от лютого холода погибло уже немало народу.

Как рассказывал Сяо Чжигэ, доклады из провинций один за другим поступали в столицу. Через руки канцлера они попадали на стол императора Аньцина, но тот даже не глядел на них — его волновали лишь поиски безумного даоса. Канцлер Ань угадывал желания правителя с полуслова, поэтому все последующие подобного рода доклады просто утаивал и откладывал в сторону.

Однако обстановка в регионах накалилась настолько, что даже Сяо Чжигэ, находившийся в Ецзине и отошедший от государственных дел, получил уже несколько срочных донесений из Яньчжоу.

Яньчжоу находилась на севере Да Е, гранича с пустыней Бэймо, и являлась первым защитным форпостом государства. Для жителей и воинов Яньчжоу, привыкших к суровому климату, такая зима была ещё терпимой, но куда большую опасность представляли бэйдийцы, которые из-за нехватки продовольствия и одежды устремились с войском на юг.

Бэйдийцы отличались крепким телосложением, превосходно ездили верхом и стреляли из лука, ведя кочевой образ жизни. Каждую зиму, когда еды становилось мало, они собирали цвет своего войска и совершали набеги на юг: грабили, жгли и убивали, чтобы запастись всем необходимым для зимовки.

Каждая зима становилась суровым испытанием для трех северных провинций Да Е.

В этом году из-за приближавшегося шестидесятилетнего юбилея вдовствующей императрицы Сяо Чжигэ вызвали в Ецзин заранее, и в Яньчжоу остался лишь заместитель командующего. Для бэйдийцев, которые испытывали и лютую ненависть, и страх перед Сяо Чжигэ, это был идеальный шанс.

Закончив с подсчётами, Ань Чанцин вернулся из лавки. В кабинете всё ещё горел свет. Прищурившись, он разглядел у окна размытый силуэт. Подойдя ближе, он увидел Сяо Чжигэ: тот стоял, заложив руки за спину, и настолько глубоко погрузился в свои мысли, что даже не заметил его прихода.

Только когда Ань Чанцин толкнул дверь и вошёл, Сяо Чжигэ обернулся. Заметив снег у него на плечах, он нахмурился и заботливо смахнул его.

— Ван Фугуй сказал, что князь ещё не ужинал? — Ань Чанцин увидел, как глубоко пролегла складка между бровей супруга, и сразу понял, что того что-то тревожит.

— Угу, — Сяо Чжигэ не хотел заставлять его волноваться и лишь произнёс: — Вечером совсем нет аппетита.

— Я как раз тоже ещё не ел. Не составишь мне компанию, князь? — с улыбкой спросил Ань Чанцин.

У Сяо Чжигэ явно не было аппетита, но, немного помявшись, он всё же кивнул. Ань Чанцин велел Ань Фу подавать ужин. На улице свирепел мороз, поэтому они не стали соблюдать строгий этикет, расставили блюда прямо на маленьком столике в комнате и уселись трапезничать у тёплой жаровни.

Ань Чанцин взял пиалу с куриным бульоном, слегка подул на него и сделал пару глотков, чтобы согреть желудок. Видя, что Сяо Чжигэ ест без всякого удовольствия, он не удержался и спросил:

— Что-то произошло в Яньчжоу?

— Угу, — Сяо Чжигэ сперва не хотел обременять его своими заботами, но, подумав, что всё равно не сможет скрыть отъезд, если отправление в Яньчжоу станет неизбежным, признался: — Бэйдийцы давно затаили на меня злобу. Узнав, что меня нет в Яньчжоу, да ещё и в такую лютую зиму, какой не было уже сотню лет, они собрали всё своё войско и готовятся к штурму города.

Из трёх северных провинций Да Е Яньчжоу находилась посередине, а Лянчжоу и Чэньчжоу прикрывали её с флангов, образуя единую линию обороны. В Лянчжоу и Чэньчжоу военачальники находились на месте, и только в Яньчжоу главнокомандующего не было. Хотя там и оставался заместитель вместе с отборной конницей, ситуацией воспользовался инспектор-ревизор из фракции наследного принца, который вставлял палки в колёса. Если бэйдийцы бросят все силы на штурм, при наличии внешних угроз и внутренних неурядиц город может не устоять.

К тому же в такую лютую зиму Лянчжоу и Чэньчжоу едва могли справиться со своими проблемами и вряд ли сумели бы прийти на помощь. Если бэйдийцы прорвут оборону, пострадают не только жители Яньчжоу, а труды многих лет пойдут прахом, но и император Аньцин обязательно возложит на него вину, а наследный принц и третий принц незамедлительно воспользуются случаем, чтобы добить его.

Ни один из этих исходов он не мог допустить.

Ань Чанцин опустил глаза, уже обо всём догадавшись:

— Князь собирается отправиться в Яньчжоу?

Сяо Чжигэ ответил:

— Я должен ехать.

Произнеся эти слова, он немного разжал сжатый кулак и виновато посмотрел на него.

<http://bllate.org/book/18381/1767685>